

Недавно на прилавках книжных магазинов появились мемуары Татьяны Егоровой "Андрей Миронов и я". Книга в одночасье стала бестселлером. Мы решили выяснить, кто же такая Татьяна Егорова, и все ли правда в ее документальном романе. С трудом добившись интервью наш корреспондент побеседовал с автором.

- Татьяна Николаевна, как на духу - все правда?

- Все правда. Но не вся. Хочу написать еще два таких же тома.

- Правда, что Миронов был агентом КГБ?

- А кого в те времена не вербовали? Особенно в интеллигентских кругах.

- И что, превневав вас к Владимиру Высоцкому, так сильно ударил, что вы на всю жизнь остались горбоносой?

- Да, мы дрались регулярно. В Андрее от дела, крутого резкого хозяина-рукоприкладчика, сидела генетическая память давать волю рукам.

Как-то много лет назад, проходя мимо афиш Ленкома, я подумал: как среди молодых обаятельных красавцев и красоток в труппе Театра имени Ленинского комсомола оказалась хоть и самобытная и талантливая, но дребезжащеголосая старушенция Татьяна Пельтцер? По моему непрофессиональному мнению она казалась мне чуждой молодежной труппе. Пусть не переворачивается в "натомсвечном" гробу Татьяна Ивановна, обидеть ее память не хочу. Хотя вроде бы и обижаю. Театральными слухами не пользовался, спросить при встречах с Марком Анатольевичем Захаровым не решался. Так вопрос и завис.

А ларчик, оказывается, открывался просто. Но, как бы сказал один высокий остряк в Кремле, с загонимой. "Секретарь парторганизации Театра Сатиры народная артистка Татьяна Ивановна Пельтцер была известна скверным характером... Однажды на репетиции Чек (Плучек - главный режиссер театра), сидя в зале, не без садистских соображений попросит ее станцевать. Она скажет: "В другой раз, плохо себя чувствую". "Не в другой раз, а сейчас", - потребует со злобой Чек от старухи. На сцене, недалеко от Татьяны Ивановны, стоял микрофон. Она подошла к нему, сделала паузу и громко, на весь театр гаркнула:

- Пошел ты на х.., старый развратник!

В зале сидела новая фаворитка развратника. Театр был радиофицирован, и по всем гримерным, в бухгалтерии, в буфете, в дирекции разнеслось мощным эхом: "Пошел ты на х.., старый развратник!" Через два дня она мне позвонит домой:

- Тань, что мне делать? Идти к Магистру (М. Захарову) в театр или нет?

У Магистра к этому времени был уже свой театр.

- А берет? - спрошу я.

- Берет!

- Тогда бегите, а не идите! Вы себе жизнь спасаете!

И ушла. И прожила там счастливую долгую жизнь. В любви.

Ничего себе пассажик! О наших то небожителях, кумирах. Пельтцер, казалось, сама благочестивость, бабулька-христианка. А тут - чуть ли не трехэтажник! При людях! На весь кол-лэктив! А (Чек) Валентин Плучек, всякий там заслуженный со времен Мейерхольда, театральная глыба, бессменный режиссер крупнейшего театра - и на тебе, садист, бабник, сексуальный маньяк.

И вот на таких сценах, на откровенно эпатажном материале построена вся книга Татьяны Егоровой "Андрей Миронов и я. Любовная драма жизни". Успех у книги бешеный. Такой не снился ни Пугачевой, ни Коржакову. Первый тираж разошелся мгновенно, чтобы приобрести экземпляр, я обегал пол-Москвы. Неделю назад в одном журнальчике увидел заголовок к ста-

тье об Элизабет Тейлор "Вся жизнь скандалы и ни одной тайны". Нечто подобное можно сказать о книге любимой женщины артиста Миронова. Хорошо это или плохо? Любовные отношения, страсти, почти физиологическое нутро навыворот: читайте, знакомьтесь, завидуйте! Пусть об Этом и о Том знают все. Лав стори - на продажу!

- Ну что вы, это только треть из того, что задумано и на подходе. Ведь Андрей и Театр Сатиры почти вся жизнь. Наша общая, одна. Навсегда.

Фото Бориса Кудряшова. "Экспресс-газета"

ждать еще несколько лет до почти физического захвата вожака объекта". "Я, например, Танечку полюбил по-настоящему, когда она дуршлагом дала мне по затылку" (Прямая речь Миронова). И т.д. и т.п...

Книга и впрямь шокирует. Столичный бомонд в отпаде. Расплатанной перед легионом поклонников лежит целая театральная труппа: Плучек с женой - взяточники и развратники, Ширвиндт - глуповатый, завистливый и высокомерный, Татьяна Васильева убита одним эпитетом "галоша", но с какими подробностями: "Оттачивая друг друга локтями, Акробатка (Нина Корниенко) и Галоша стремительно бежали на четвертый этаж в кабинет худрука - кто первый ворвется, раздвинет "молнию" в ширинке и потелебонькает то, что телебонькать уже нечего. А за это они получат роль..."

Одно из интервью с Егоровой было названо "Подальше от меня в суд, буду только рада". Параллельно с книгой Егоровой я читал в чем-то близкие по стилю мемуары Брижит Бардо. Мемуары, потрясшие Францию. Великая актриса отомстила и мужьям, и любовникам. На нее подавали в суд. За диффамацию имени, за клевету. Иски оставлены без удовлетворений. Судиться с нравственной (или безнравственной) правдой

бы игравшая с ним на одной сцене, в одних спектаклях, но, по-видимому, не так, как он, "поцелованная Богом" (я даже не нашел в театральной библиотеке СТД ни тонушенского досье на Т.Егорову), но в любви они были на равных. Недаром Андрей бросил ей как-то: "Не пытайся жить без меня..." Она и не пытается, вот и продолжает жить вместе с возлюбленным в другом измерении - на страницах книги памяти. Андрей: "Мы все равно любим друг друга... Кто же у нас отнимет нас..." Татьяна: "...Голую ты любишь меня больше, чем одетую... Под норковой шубой ты никогда не найдешь такого избытка любви и нежности, как под моим твидовым пальто". Андрей: "Я мысленно напивно для тебя этот ковш (Большой Медведицы) шампанским, и, когда я умру, ты, глядя на этот ковш, будешь пьянеть от шампанского и плакать обо мне".

Все искренние исповеди человечества будоражили людскую мораль, нравственные вековые постулаты. Они хлестали по щекам поколений, и багряные рубцы потом еще долго коверкали судьбы. "Исповедь" Руссо и поныне, спустя двести лет, кипятит кровь вступающих в жизнь. Только вопросов сегодня стало еще больше: где грань между нравственностью и долгом, между рабством и желанием поклоняться кумиру? А "Исповедь сына века" Альфреда де Мюссе, которую прочитывали точно криптограмму: ах, это он о любви к Жорж Санд! Но ведь она исковеркала его чистую душу, грязная блудница.

Андрюши было столько женщин, что если бы каждая написала книгу, то собралась бы библиотека.

- Что ж, моя "Песня" немного подзабылась, я советую ей перечитать некоторые места моего романа, где имеется в виду ее персона.

- А как реагирует один из красочных персонажей вашего шедевра Валентин Плучек. Получить такие затрещины - это, с вашей стороны, и безжалостно, и мужественно.

- Говорят, что книгу ему не показывают. Жалуют старика, ведь на днях ему исполнилось 90. Но вы знаете, каждому свое. И янисколько не сожалею о том, что написала правду и о нем, и о театре.

- Я слышал, что вы бедно живете и что за триста долларов готовы дать интервью любому изданию? Это правда?

- Живу и впрямь небогато. Книга меня не озолотила. Я получила около двух тысяч долларов. Ведь мой герой не Клинтон. Что касается платы за интервью, что же, я считаю, что некоторые нынешние газеты, и особенно свободного розлива, могут себе позволить и такую щедрость. Но деньги для меня не самоцель. Главное - память об Андрее, торжество истины, узнавание настоящего человека. Великого Андрея Миронова.

Мемуары Татьяны Егоровой (хотя она просит считать ее творение документальным романом) написаны талантливо, ярко, автор обладает легким читабельным пером. Ощущается литературная хватка думающего, образованного современ-

Любовные виражи Андрея Миронова

Вспоминаю, как похоже сказала однажды Галина Вишневская после моего читательского комплимента в адрес ее книги "Галина": "Ну что вы, если бы я написала всю правду, многие с ума бы посходили..." Даже для Галины Павловны, женщины решительной и дерзкой, были преграды, сомнения. И она остановилась.

Татьяна Егорова не остановилась. Правда так правда. Срывание всех и всяческих масок. Стриптиз души и памяти.

Поначалу я хотел бы встретиться с героиней самого крутого книжного скандала уходящего года. Но, увидев ее интервью в прессе, передумал. Однако не удержался и позвонил, попутно испросив разрешения на цитирование любых страниц откровенного бестселлера. Поэтому скорее в книгу: "На сцене он был ленив, вял, произносил текст, как будто делал кому-то одолжение... Худсовет во главе с Чехом молчал, но решение снять Шармера (Александр Ширвиндт) с этой роли висело в воздухе. Но Шармер вне сцены взял реванш. После спектакля он немедленно пригласил к себе домой в высотный сталинский дом избранных из театра на банкет. На банкете прижал Зинку (Зинаиду Плучек, жену главрежа)... в темном углу, закатил ей юбку, одной рукой держась за грудь, другой стал стаскивать с нее трусы. Зинка была польщена, обескуражена, хихикала, как дурочка, то и дело поднимала трусы обратно, пока кто-то не вошел..." По комментариям автора книги эти аффективные трусоносимания сделали (любимому нами и нынче) актеру эффективную карьеру. "Милая певунья (Лариса Голубкина, одна из жен А.Миронова), ей придется по-

(или неправдой) трудно. Адвокаты это знают. Татьяна Егорова уверена в своей правоте, в том, что истина всегда нагая.

- И ни сомнений, ни покаяния, ни головной боли, Татьяна Николаевна?

- А в чем мне каяться? Когда писала книгу, я ходила в церковь, молилась. Но лишь затем, чтобы утвердиться в своей правоте у Бога. Мне говорили: человеку 90 лет (Плучеку), разве можно о заслуженном старике так плохо? Мне говорили: о мертвых либо хорошо, либо ничего. А я держала перед собой штудию Ходасевича о Белом, где он пишет, что иконописные, хрестоматийные "беззвучные" портреты людей мертвы и никому не нужны. Читатель жаждет полноты понимания.

Главный герой "Любовной драмы жизни" - Андрей Миронов. Больше 20 лет Андрей и Татьяна, переживая измены, мужей и жен друг друга, жестоковыйное давление Марии Владимировны, мамы Андрея, которая поначалу незлюбила невестку, валадандились в "грязи любви". И только она, жена - не жена, мать - не мать (два плода любви не выжили), судьба - не судьба, оказалась единственной, кто до сантиментрика помнит дорогу к могиле любимого человека. Даже жестокая "кабануха", властная, временами "дурноватая", но умнейшая мама народного любимца перед смертью выплеснула: "Только ты да я и любимы его". Это ли не оправдание книги, некрополь вечных чувств, возможность высказать правду о том, каким он был на самом деле. Он, Андрей Миронов, гениальный актер, ярчайшая звезда, равной которой на российском театральном небе больше не появлялось. И она, вроде

Не могу забыть разительную историю тринадцатилетней давности. Марина Влади написала тогда книгу о Высоцком "Владимир, или Прерванный полет". Книгу свертоткровенную, обнажавшую подлинную трагическую сущность великого актера и певца. Когда рукопись была готова, об этом стало известно многим из окружения героя книги. И часть из этого "многого" восстала. К сожалению, среди праведногневных была и мама Высоцкого Нина Максимовна. Возмущенная исповедью Влади группа людей обратилась ко мне как к журналисту с просьбой выступить в печати против издания книги, в которой Высоцкий представлялся как наркоман, пьяница и игрок. Я отказался от такой "почетной" миссии, мотивируя это тем, что книгу о Высоцком, какого бы содержания она ни была, запретить невозможно. И, конечно же, "Прерванный полет" был издан и выдержал несколько изданий в России и за рубежом.

- Татьяна, ваша книга продается уже месяц. Какова реакция на ее содержание ваших друзей, коллег по театру? Вам звонят?

- Только что из Франции звонила Людмила Максакова, выведенная в книге под Антурийей. Она приобрела книгу перед отъездом из Москвы, прочитала ее и была взволнована всем, о чем узнала. Мне, конечно, приятен такой отзыв. Звонил Зиновий Высоковский и также с восторгом и присущим ему остроумием отзывался о прочтении.

- Я слышал, будто Лариса Голубкина заявила, что она ничего о Егоровой не знает и что будто у

ника. Да, наша эпоха плодит воспоминания. Люди торопятся подвести итоги - впереди рубежная граница, точно в ожидании апокалипсиса. Каких только имен не встретишь нынче на книжных развалах: Валентин Гафт, Александр Журбин, Андрей Вознесенский, Сергей Хрущев, Миша Шуфутинский, Олег Табаков... Но удач мало. Мне кажется причина одна - сокрытость чувств, информации, отсутствие крутых коллизий, вялый слог. Какой в свое время сенсацией была книга воспоминаний Майи Плисецкой! Причина? Да все та же: сумасшедшие подробности личной жизни балетных кумиров и кремлевских небожителей, человеческая и творческая страсть, убойные характеристики. Читателя не проведешь, скукотищу он в рот не возьмет. И бедный свой кошелек не раскроет.

На мемуарный бестселлер способна только сильная натура, умеющая любить и быть любимой. Ведь даже банальное признание в чувствах - уже маленький подвиг. Голая правда о знаменитом актере и его окружении - по-моему, подвиг и жизни, и творчества Татьяны Егоровой. Любовь, как бумеранг, она возвращается к оригиналу стократно ощущением праздника жизни. Автор книги "Андрей Миронов и я", по-моему, счастливый человек. И не столько потому, что любила и была любима. Она понимает, что живые нужны не только живым, но и мертвым. Чтобы продлить их век среди людей.

Феликс Медведев

ИТАР-ТАСС